

ПОЛУЛИСТЬ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4500.

Пятница, 1го Января, 1899 г.

№ 4500.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Высокопреосвященный Антоний,
Митрополит С.-Петербургской и Ладожской.

ВСТРѢЧА НОВОГО ГОДА.

Рассказъ Андре Терье.

Вечеромъ, 31-го декабря, мой другъ Жакобю, пообѣдавъ въ одиночествѣ въ своей излюбленной кухнестерской "Золотой Розы", возвращался медленнымъ шагомъ домой, на свою холостую квартиру въ улицѣ Гринжеттъ. Улица была пустыни и плохо освѣщалась рѣдко разставленными газовыми фонарями. Сѣверный вѣтеръ, дувшій прямо въ лицо, пронизывалъ его насквозь и, несмотря на застегнутое на всѣ пуговицы пальто, заставлялъ сознаться, что въ сорокъ лѣтъ кровь уже не такъ сильно грѣть, какъ въ юности. Нетерпѣливою рукой схватился онъ за звонокъ у входной двери. Ему открыла хозяйская дочка, м.-пе Францелина Бигаръ, придерживая одной рукой полный передникъ каштановъ, а въ другой держа лампу, которая освѣщала ея чудную курчавую головку съ живыми голубыми глазами. Эти голубые глазки, темные вьющіеся волосы и ясная улыбка дѣлали ее очень привлекательной, хотя она и начинала уже перезрѣвать, превращаясь въ старую лѣву, такъ какъ ей было уже 28 лѣтъ.

ждать,—встрѣтила она жильца вѣстъ только что собралась жарить каштаны.. Мы ждемъ сегодня къ ужину двухъ моихъ подругъ и хотимъ повеселѣть проводить старый годъ за вкуснымъ ужиномъ и бутылочкой вина... Не придите ли вы, г. Жакобю?..

— Благодарю васъ,—торопливо проговорилъ онъ, принимая озабоченный видъ занятаго человѣка—очень вѣмъ благодаренъ за приглашеніе, но я не могу...

Онъ отказывался не потому, чтобы ему не нравилось общество Францели-

ны, а просто держался насторожѣ, боясь зайти слишкомъ далеко въ своихъ отношеніяхъ къ этой дѣвушкѣ на возрастѣ, навѣрное стремившейся выйти замужъ. Оль изѣбѣгъ излишней фамильярности и не хотѣла становиться на скользкій путь. Нельзя сказать, чтобы онъ оставался нечувствительнымъ къ голубымъ глазкамъ и кокетливой улыбкѣ Францелины, но онъ такъ боялся брака! Онъ былъ похожъ на ребенка, который, собравшись купаться въ холодной водѣ, сунетъ сначала одну ногу, вытащить, сунетъ другую—и никакъ не можетъ рѣшиться окунуться.

— Благодарю васъ!—повторилъ онъ еще разъ, поднимаясь по лѣстницѣ.— Писемъ ко мнѣ не было?

— Нѣтъ, почтальонъ ничего не приносилъ...

— Видно, меня совсѣмъ забыли!—грустно подумалъ Жакобю, вставляя ключъ въ дверь.—Всѣ знакомые забыли

К. С. Баранцевичъ,
беллетристъ (по поводу 25-лѣтней литературной дѣятельности).

ко мнѣ дорогу...

Жакобю чувствовалъ, какъ скверное настроеніе мало-по-малу начинаетъ

Новый сенаторъ т. с. А. Л. Боровиковскій.

владѣвать имъ. Сегодня все что-то не клеилось: дрова не горѣли, а только тлѣли и дымили, лампа едва мерцала и коптила, вѣтеръ, врываясь изъ-подъ двери, пронизывалъ его до мозга костей.

"Какой-то мыслитель,—бормоталъ онъ, закуривая трубку,—сказалъ, что у каждой старости бываютъ свои вечерніе огни; мои свѣтять что-то черезъ чурь тускло и уныло. Эта тусклость—

роковое послѣдство холостой жизни. Зрѣлый возрастъ и холостая жизнь! Это вредная почва, на которой тѣ смѣна, которая считалъ уже давно заглохшими, начинаютъ вдругъ пускать ростки и жалкие цветы съ горькимъ запахомъ: запоздалые упреки, бесплодный сожалѣнія, сомнѣнія и, страхъ передъ наступающей старостью.

Особенно мучителенъ этотъ страхъ, этого презрѣнія, ненавистнаго страха, который не даетъ вѣмъ ничего дѣлать, который отклоняетъ вѣсъ отъ всякихъ благородныхъ рѣшеній... Я припоминаю, какъ однажды еще въ молодости, путешествуя въ Иренеяхъ, я встрѣтился на одной крутой и опасной тропинкѣ какого-то поклонного, уже надломленного жизнью человѣка. Когда я спросилъ у него дорогу, онъ крикнулъ мнѣ:

— Не подымайтесь выше, тропинка такая крутая, что вы задохнетесь!

Я пожалъ плечами и бодро продолжалъ путь, смѣясь про себя надъ безсиліемъ пятнадцатилѣтняго путешественника...

И вотъ, до чего я самъ дожилъ теперь! Малѣйшій камешекъ на моемъ пути заставляетъ меня спотыкаться,ничтожное препятствіе привинтывается въ моихъ глазахъ ужасающіе раз-

И. В. Владиславскій-Падалка.

(По поводу 25-тилѣтія служенія въ одес. город-по воинской повинности присутствія).

мѣры. У меня нѣтъ уже ни смѣлости, ни желаній; я забился въ свою нору и оплакиваю невозвратное прошлое, сожалѣя, что не сумѣлъ воспользоваться своей молодостью..."

* * *

Вдругъ до его слуха донеслись веселые здоровые голоса и среди общаго шума онъ ясно различилъ чистый смѣхъ Францелины.

— Они тамъ веселятся внизу!—помыслилъ онъ со вздохомъ.—Они провожаютъ старый годъ и съ бокаломъ въ рукахъ встрѣчаютъ новый...

Погрузившись въ свои мрачныя мысли, Жакобю забылъ обо всемъ окружающемъ. Пробѣжавшая по спирѣ дрожь напомнила ему о дѣйствительности. Когда онъ поднялся съ мѣста, чтобы захлопнуть окно, снова раздались веселые голоса и до его ушей долетѣлъ серебристый смѣхъ Францелины... Съ минуту онъ еще колебался, но, наконецъ, принялъ твердое рѣшеніе. Онъ погасилъ свою лампу, и робко постучалъ въ двери хозяина...

— Я услыхалъ сверху вашъ веселый смѣхъ,—проговорилъ Жакобю, входя—и не могъ устоять. Не дадите-ли вы мнѣ мѣстечка рядомъ съ вами, м.-пе Францелина.

Но вдругъ, бросивъ на Францелину нѣжный взглядъ, онъ замѣтилъ, что мѣсто возлѣ нея было уже занято. Какой-то господинъ лѣтъ тридцати въ формѣ лѣсничаго сидѣлъ на одной скамѣ съ нею, очень близко къ ней прижимаясь.

Видя удивленіе своего друга, хозяинъ предложилъ ему стулъ и проговорилъ:

— Садитесь ужъ рядомъ со мной, г. Жакобю, я сообщу вамъ новость. Мы убиваемъ однимъ зарядомъ двухъ зайцевъ: празднуемъ встрѣчу Нового года и спыскиваемъ обручение Францелины съ лѣсничимъ Содансенъ... Возьмите-ка стаканъ вина, да чокнитесь съ мной... Послѣ Крещенія ихъ свадьба.

На святкахъ.

Праздникъ въ монастырѣ.

ЯНВАРЬ

1899 ГОДЪ.

